

Музыкальный салон

Последний аккорд

Рос. вестн. - 1994. - 13 авг. - с. 3.
Есть ли будущее у Чайковского
и конкурса, которым мы так гордились?

Тамара
ГРУМ-ГРЖИМАЙЛО

Иду недавно по улице Неждановой. На Доме композитора зазвонившая афиша: «Чемпионат-94 на экране кино. Большой экран - Большой футбол! Ночные прямые и дневные повторные фильмы. Трансляция матчей». Полное расписание... Так жил, этим дышал Центральный дом композиторов, «музыкальный мозг страны», в дни Десятого Международного конкурса им. Чайковского.

Слов нет, футбол - изумительная игра. Ее обожал Дмитрий Шостакович и даже окончил, в свое время, школу футбольных судей. Между прочим, председатель жюри конкурса вокалистов имени Чайковского Зураб Соткилава - тоже в прошлом футболист. И мэр наш Юрий Лужков, правительство российское и московское - ну, сами знаете...

Но все же, все же... Четыре года назад, в дни завершающих обсуждений итогов Десятого конкурса Чайковского, когда звучало столько пламенных речей о необходимости реформ, Михаил Хомицер, член жюри конкурса виолончелистов, говорил: «Я бы предложил перенести проведение конкурса Чайковского на один год вперед, чтобы он не совпадал с чемпионатом мира по футболу и чтобы в средствах массовой информации не возникало обидной для нашего замечательного праздника музыки конкуренции». Трезвая мысль. Не век же конкурировать нашему музыкальному конкурсу с футболом!

Мне возразят: чего же вы хотите? Ведь и 60-летие Вана Клиберна, «основоположника» славы нашего конкурса, было отмечено у нас 12 июля лишь какой-то передачей по «Маяку» - такие, мол, времена. А я отвечу: немислимо, чтобы гордость нашей

Представим себе мысленно, что в финале недавно закончившегося конкурса концерт для фортепиано с оркестром Чайковского си бемоль минор прозвучал только в исполнении трех пианистов - москвичей Николая Луганского (2-я премия), Вадима Руденко (3-я премия) и китайца У Зона (4-я премия). Совершенно ясно: выиграли бы и конкурс, и Чайковский, и мы, слушатели, и почтенное жюри.

Нельзя сказать, что нынешний конкурс не двинулся по пути желанных реформ. Благодаря предварительному отбору (который проходил, правда, не с помощью видеокассет, а только по документам) конкурс удалось сделать более компактным: в нем участвовали 217 музыкантов в отличие от 338 участников прошлого соревнования. Благодаря этому пианисты провели более вдумчивый первый тур из двух подтуров, а виолончелисты получили блестящий состав участников, словом, конкурс утратил прежние грешные черты «туристического». Виолончелисты, между прочим, пошли даже на значительное видеоизменение программ первых двух туров. Однако... Как оказалось, они сами себя запутали. Программа первого тура оказалась недостаточно объемной по музыкальным задачам, не помогла жюри понять, кто музыкант, а кто хороший ученик-курсант.

Но если бы все дело упиралось в программы! В жюри конкурса виолончелистов, о чьих невосполнимых потерях и беспрецедентных решениях много писали и говорили, как в зеркале отразились новые болезни «лауреатского» судейства по всем специальностям. Вот где главная наша боль и печаль. Реформа жюри конкурса Чайковского с первого захода не удалась. Мы мечтали о компетентном, высокопрофессиональном жюри? Да, мы получили его. Мы мечтали о непредвзятости и объ-

национальной культуры конкурс Чайковского из фаворитов деградировал в пасынки. Эта тенденция прослеживается - увы! - даже в профессиональных кругах, где обнаруживаются мнения, что сегодня профессионалам нужен не Чайковский с его «уходящей красотой тургеневского музея дворянской культуры», а «музыка, устремленная в XXI век», а по-сему «естественнее в будущем назвать конкурс Чайковского конкурсом имени Шостаковича или конкурсом имени Шнитке». С подобным мнением профессионалов познакомили читателей «Московские новости» в самый канун (!) открытия Десятого Международного конкурса имени Чайковского, за что и получили резкую отповедь критика Александра Медведева на страницах «Известий».

Как известно, посягательства на Чайковского не раз всплывали на поверхность нашей истории. Помню, как на одном из «круглых столов» профессор Московской консерватории Виктор Мержанов, высказывавшийся за сохранение всех традиций конкурса, вдруг предложил: «Я бы объявил мораторий на Первый концерт Чайковского лет на 30! Не знаю более несчастного произведения, которое бы подвергалось таким большим издевательствам!» Ему возражали: нам без концерта Чайковского нельзя! Резонно. И хотя вполне можно понять чувства насидевшихся членов жюри, обязанных выслушать в финале 12 концертов Чайковского (на нынешнем десятом конкурсе, слава Богу, только 8), невозможно представить себе завершение нашего прославленного музыкального турнира без торжественных звуков Первого фортепианного концерта Чайковского.

Так, может быть, дельным было предложение декана фортепианного факультета Московской консерватории Сергея Доренского о частичной реформе третьего тура: чтобы «свободный» концерт играли все финалисты, а жюри выбирало бы ту шестерку (или четверку, или даже тройку) победителей, которым и ДОВЕРЕНО будет играть концерт Чайковского?!

активности его решений? Да, но мы этого не дождались. Возобладал субъективизм, странные перекосяточек зрений и даже «кочек зрений» бывших победителей московского турнира, хранивших свои особые воспоминания и свои, быть может... затаенные обиды. Если я получил на этом конкурсе только шестую премию, разве есть здесь сегодня первая? Если я получил в Москве - пусть 30 лет назад - только четвертую премию, должны ли мы присуждать сегодня первые три? Звучит кощунственно, но вполне правдоподобно, если вспомнить, что виолончелисты начали отсчет своих премий с четвертой (разделив ее между американкой Эйлин Мун и россиянином Георгием Горюновым), оставив за бортом финала таких артистически и профессионально ярких музыкантов, как Пауль Сусс (Россия), Вольфганг Шмидт (Германия), Феликс Фан (США); а пианисты и скрипачи вообще отказались от присуждения первых премий, хотя бесспорными лидерами в финалах конкурсов стали 22-летний пианист Николай Луганский (Россия) и 17-летняя скрипачка Дженифер Кох (США).

Да, можно сказать, впервые на жюри никто не «давил», никто не давал никаких инструкций, но, к сожалению, какая-то линия была утеряна. - признавалась Наталья Шаховская. - Я призвала - открыты индивидуальности. Но у каждого члена жюри нашлись свои особые симпатии, которые в финале обернулись огромными профессиональными огрехами. Никто в жюри не ожидал таких результатов. Все были расстроены предельно. Чтобы работать в жюри, надо иметь особую мудрость, особый «взгляд».

И вот эти первые шаги «реформ», где так не хватало мудрости и гуманизма, глобально мыслящих МУЗЫКАНТОВ. Престиж конкурса Чайковского понес заметный урон. В прежние «блаженные» времена об этом невозможно было сказать открыто. Ныне торжествует всенародная гласность. Все касается всех.

Думайте, господа лауреаты!

Фото Эдуарда Левина.

24